

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Каким бы ни был разнообразным и насыщенным образ жизни казаков, проживавших в Донецком округе Области войска Донского, всё же главным его содержанием была воинская служба в казачьих полках первой очереди. К этому событию готовились заблаговременно, и когда наступали первые дни воинской службы молодых казаков, то они запоминались на всю оставшуюся жизнь. По боевому расписанию казаки станицы Гундоровской отправлялись на комплектование 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка, место дислокации которого было в Царстве Польском, неподалёку от города Люблина. Наш земляк, краевед и писатель Сергей Сполох не раз обращался к важной теме казачьей службы в своих литературных зарисовках, и в этом номере газеты продолжается цикл таких публикаций. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение. Начало — в №№ 1, 3, 5, 8, 10, 12, 14, 16, 21 за 2024 год).

Ранним ноябрьским утром воинский эшелон с новобранцами Первой Донской казачьей дивизии прибыл на небольшую польскую станцию Замостье. Паровоз, натужно тянувший за собой воинский эшелон, проскочил железный мост через небольшую, но бурливую речку Лабуньку.

Эшелон повторил своим многовагонным изгибом очертания старой крепости, разбросал напором воздуха охапки жёлтых листьев возле пристанционных построений и при столь долгожданной казаками остановке своим скрежетом на мгновение заглушил приветственные звуки духового оркестра музыкантской команды.

Уроженец станицы Гундоровской вахмистр Власов, как только вышел из вагона, сразу преобразился. Своё дорожное благодушие и весёлость словно спрятал за обшлагом шинели. И без того тонкие губы поджал для строгости и своим мощным басом стал прессовать нестройные ряды новобранцев:

- Не мни ряды! Не жмись к вагонам! Чего оглядываешься? Мамка в хуторе осталась!

Урядники, сбившиеся в кучку у писарского столика на небольшом перроне, переговаривались, разминая ноги после длительной поездки:

- Ну, Власов в крик опять, до самой австрийской границы его команды, небось, слышны.

- Да пусть! Пусть австрияки побаиваются.

К урядникам подошел хорунжий Вениамин Шляхтин, молодой офицер, только что выпустившийся из Николаевского кавалерийского училища. Высокий, стройный, красивый во всём и везде, он сразу обратил на себя внимание прибывших новобранцев.

- Гундоровцев много? - спросил Шляхтин у писаря.

- Почти на две сотни наберётся, - прикинув по спискам, доложил ему писарь Михаил Фетисов.

- На две сотни, говоришь? Хорошо! Мне командир полка поручил присмотреть для знаменного взвода самых лучших по виду и по росту.

- Ваше благородие! Я таких ещё со станицы присмотрел, - и он начал перечислять фамилии казаков, подходивших для знаменного взвода.

Шляхтин записал в маленький блокнотик с привязанным на шнурке удоб-

Групповое фото казаков 10-го Донского казачьего полка.

ным карандашиком перечисленные писарем фамилии и пошёл знакомиться со своими будущими подчинёнными.

Наконец, после небольших проволочек молодое пополнение уже было разбито по рядам. Толкотня и разговоры прекратились.

- Р-равняйся! Смирно! - вахмистр Власов зычно гаркнул на привокзальной площади, да так, что с тополей вмиг взлетели все вороны.

- Молчать! Р-разговорчики! Шагом мар-р-р-ш! - и он сразу повёл молодых казаков к первому в их жизни военному дому — казарме учебной команды.

Колонна вздрогнула, поддалась сначала вперёд, затем, как бы раскачиваясь, назад и, мерно колыхаясь, поползла по направлению к Замостью, старинному польскому городку, где предстояло служить Антону Швечикову и его станичным и хуторским друзьям.

Во время долгого пути сопровождавшие пополнение урядники рассказали, что казармы полка расположены в старом, разрушенном во время польского восстания 1831 года здании католического костёла.

Окружавшие его двух- и трёхэтажные домишки плотно стояли в ряд и, словно осенние опята, прилипли друг к другу. Местные жители, спешившие по своим делам, привычно и равнодушно разглядывали вползающую в городок ленту казачьей колонны.

Когда казаки из команды молодого

ный урядник Константин Просцов, хлопотавший с размещением учебной команды и которому тоже было не по душе присутствие чужой веры, сердито перебил друзей:

- Если и грех, то не ты первый, кто здесь так грешит. Тут ещё мой отец после русско-турецкой войны служил, а было это, почитай, лет тридцать тому назад. А грехи, парень, пойдёшь замаливать в православный храм, а вернее, строем поведут в первое же воскресенье, - и он махнул рукой в сторону островерхого леса над речкой Лабунькой.

Для занятий по словесности и уставам Российской Императорской армии с казаками молодого пополнения был назначен их земляк, сотник Филипп Семёнович Исаев. Командир полка знал, что при нахождении на льготе с разрешения окружного войскового начальства сотник Исаев преподавал в школе станицы Гундоровской, и полковник Пётр Николаевич Краснов обратился к нему с просьбой:

- Филипп Семёнович! Вы уж поучительствуйте с этим молодым пополнением две-три недели, да только помягче. У кого-кого, а у вас это обязательно получится. Пусть сначала привыкнут к службе, а уж потом урядники да вахмистры своё дождут.

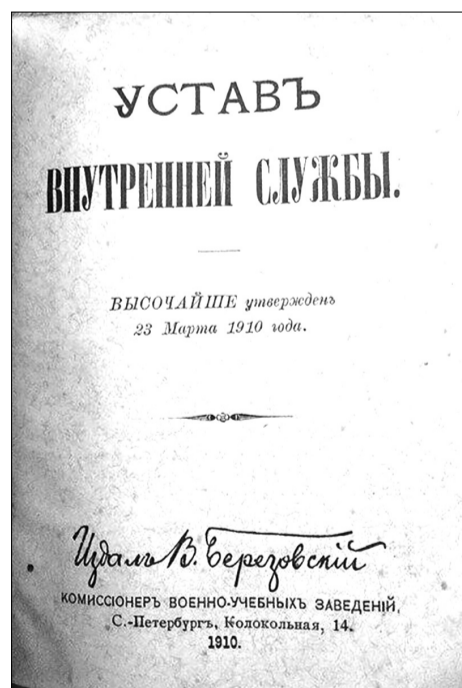
Прежнее учительство так и сквозило в облике и поведении совсем по виду не военного, однако казачьего офицера. Что же, были в полку и такие! Никак не глоткой, а терпеливым убеждением пытался он добиться повиновения от казаков. И получалось у него! Получалось!

Особым предметом гордости у сотника Исаева были усы. Ухаживал он за ними каким-то особым способом. Молодых казаков, заводивших усы в самом начале действительной службы, он терпеливо наставлял:

- Сей агрибут — не предмет туалета и не путь к сердцу дам, а казачья гордость! И носить их нужно с особым шиком. А уж кто из вас шика по отношению к усам не имеет, тот пусть их и не носит.

Сам Исаев ещё хорунжим научился редкому, а потому интересному способу следить за своими холёными усам при каждом удобном случае.

Он полировал козырёк фуражки, да так, что в него можно было смотреться, как в зеркало. Со стороны было даже трудно определить, чем занимается офицер: то ли усы рассматривает, то ли фуражку в уставной вид приводит.

пополнения загремели сапогами по растресканным каменным полам казарменных коридоров, Антон Швечиков, рассматривая небо в стрельчатых окнах бывшего собора, сказал своему закадычному другу Сергею Новоайдарскому:

- Место-то намоленное, жить здесь, небось, грех. А если б в нашем Успенском храме вот так кто-нибудь поселился, а? Как бы станичники на это посмотрели? Вот то-то и оно!

- Плохо бы посмотрели, - ответил не менее набожный Сергей.

Подслушав эту гутарку, отделен-